ным и импортным контрактам клиентов, расчетных документов, переписки, иных документов.

В соответствии со ст. 165 УПК следователь, с согласия руководителя следственного органа, возбуждает перед судом ходатайство о производстве выемки, о чем выносится постановление. Оно подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда по месту производства предварительного следствия или производства следственного действия не позднее 24 часов с момента поступления указанного ходатайства. Судья выносит постановление о разрешении производства выемки или об отказе в ее производстве. Согласно п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК только суд правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях. Стоит отметить, что выемка документов со сведениями, составляющими банковскую тайну, даже при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ, не может быть произведена по постановлению следователя без судебного решения.

Необходимо также обратить внимание на то обстоятельство, что проблемы выемки предметов и документов, содержащих банковскую тайну, зачастую обусловлены неправильным пониманием следователями разницы между получением справок по операциям и счетам и получением первичных документов. Следователь должен четко представлять, что он хочет получить в кредитной организации и в каких целях использовать полученные сведения.

Если следователю достаточно сведений о движении средств по счету организации в банке, то такую информацию он может получить на основании запроса при наличии согласия руководителя следственного органа. Это право закреплено в ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности».

Однако, если следователя интересуют непосредственно документы, например, договор об открытии счета, карточки с образцами подписей руководителя и главного бухгалтера, договор об использовании системы «клиент-банк», различные заявления, платежные документы, паспорта внешнеэкономических сделок и иные документы, содержащие подписи ответственных лиц, то необходимо производить выемку.

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (УГОЛОВНОГО ДЕЛА) В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ЗАПРЕЩЕННОЕ УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОМ ДЕЯНИЕ В СОСТОЯНИИ НЕВМЕНЯЕМОСТИ, И ЛИЦ, У КОТОРЫХ ПОСЛЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАСТУПИЛО ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО, ДЕЛАЮЩЕЕ НЕВОЗМОЖНЫМ НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ИЛИ ЕГО ИСПОЛНЕНИЕ

Е.В. СУХОВЕРХОВА

адъюнкт кафедры уголовного процесса Московского Университета МВД России

Научная специальность: 12.00.09 — Уголовный процесс

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского Университета МВД России ***Сумин А.А.***

E-mail: sevg22@yandex.ru

Ю.В. ЕНДОЛЬЦЕВА

адъюнкт ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России»

Научная специальность: 12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Научный руководитель: заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор, начальник НИЦ № 5 ФГКУ «ВНИИ МВД России» ***Цоколова О.И.***

Аннотация. Рассматриваются проблемы прекращения уголовного преследования (уголовного дела) по отдельным основаниям, предусмотренным ст.ст. 24—28.1 УПК РФ, в отношении лиц, указанных в ч. 1 ст. 433 УПК РФ; анализируются точки зрения ученых, занимавшихся рассмотрением вопросов, связанных с разрешением вышеуказанных проблем; предлагаются выводы о возможности применения отдельных оснований, предусмотренных статьями 24—28.1 УПК РФ, к отдельным категориям лиц, и изменения в соответствующие нормы уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: производство о применении принудительных мер медицинского характера, прекращение уголовного преследования (уголовного дела), сроки давности, примирение сторон, амнистия, психическое расстройство, общественная опасность.

TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION (CRIMINAL CASE) AGAINST THOSE WHO HAVE COMMITTED CRIMINAL OFFENSE PROHIBITED IN THE STATE OF INSANITY, AND THOSE WHO, AFTER COMMITTING A CRIME BECOMES INSANE, MAKING IT IMPOSSIBLE TO SENTENCING OR EXECUTION

E.V. SUKHOVERKHOVA

graduate student at Moscow University in criminal proceedings the Russian Interior Ministry

YU.V. ENDOLTSEVA

graduated in a military academy of FGKU «All-Russian scientific Ministry of Internal Affairs research institute of Russia»

Annotation. The article deals with the problems of termination of criminal prosecution (criminal case) on certain grounds specified in Article 24-28.1 of the Code for certain categories of persons referred to in Paragraph 1 of Article 433 of the Code. The authors analyzed the perspectives of the various scientists involved in the consideration of matters related to the above problems. Conclusions are drawn about the possibility of single bases for certain categories of persons, made suggestions on making some changes to the Criminal Procedure Law.

Key words: production application of compulsory medical measures, the termination of criminal prosecution (criminal case), Prescription, conciliation, amnesty, mental disorder, social danger.

Дела о деяниях, запрещенных уголовным законом, совершенных лицами в состоянии невменяемости, или о преступлениях, совершенных лицами, заболевшими после их совершения психическими расстройствами, делающими невозможным назначение или исполнение наказания, в соответствии с УПК РФ обладают некоторыми особенностями, в связи с чем помещены законодателем в отдельную главу Кодекса. Наличие в уголовном процессе производств, различающихся между собой по степени сложности процессуальных форм, свидетельствует о дифференцируемости уголовного процесса[1].

Несмотря на особенности, которыми обладает производство о применении принудительных мер медицинского характера, осуществляемое в отношении вышеуказанных категорий лиц, не все авторы относят его к категории особых[2]. Мы придерживаемся точки зрения процессуалистов, стоящих на противоположной позиции[3]. Производство о применении принудительных мер медицинского характера можно отнести к категории особых не только в связи со спецификой процедуры производства и категории участников, в отношении которых такое производство осуществляется. Следствие по делам о применении принудительных мер медицинского характера нередко также ведется по факту совершения деяния, запрещенного законом, а не деяния, имеющего в наличии все элементы состава преступления. Именно поэтому ст. 434 УПК РФ предусмотрены особые обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве следствия, отличные от тех, которые закреплены в ст.73 УПК РФ.

Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 433 УПК РФ производство о применении принудительных мер медицинского характера осуществляется в отношении двух категорий лиц: 1) совершивших запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости; 2) у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение.

Несмотря на то, что уголовно-процессуальный закон предусмотрел возможность ведения производ-

ства о применении принудительных мер медицинского характера в отношении вышеперечисленных категорий лиц, их правовое положение несколько различно, и это положение, на наш взгляд, должно влиять на применение некоторых положений, предусмотренных ст. 439, 443 УПК РФ.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК РФ по окончании предварительного следствия следователь выносит постановление о прекращении уголовного дела — по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24 и 27 УПК РФ, а также в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц, либо возможностью причинения им иного существенного вреда. На основании ч. 3 ст. 443 УПК РФ суд при наличии оснований, предусмотренных ст.ст. 24—28 УПК РФ, выносит постановление о прекращении уголовного дела независимо от наличия и характера заболевания лица.

Во-первых, следует покритиковать редакцию ч. 1 ст. 439 УПК РФ, потому что, на наш взгляд, прекращение уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24 и 27, должно осуществляться не по окончании предварительного следствия, а тогда, когда основания, указанные в данных нормах, будут установлены (например, истечение сроков давности).

Во-вторых, предусматривая возможность прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24—28 УПК РФ, уголовно-процессуальный закон регламентирует такую деятельность правоприменителя независимо от того, в отношении которого из лиц, указанных в ч. 1 ст. 433, принимается такое решение.

У нас не возникает вопрос: когда указанные основания прекращения уголовного дела в установленном законом порядке и случаях применяются к лицам, которые подлежат уголовной ответственности (так как совершили преступления будучи вменяемыми), но у них после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение? Поскольку такое лицо является субъектом преступления, и в наличии другие элементы состава преступления, то вопрос об освобождении его от уголовной ответственности правомерен.

Однако, не понятно, каким образом многие из оснований прекращения уголовного дела, предусмотренные в ст.ст. 24—28 УПК РФ, направленные на реализацию уголовного закона, предусматривающего освобождение от уголовной ответственности, могут быть применимы к невменяемым лицам, которые не являются субъектами преступлений, а значит, не подлежат уголовной ответственности, и не освобождаются от нее.

На вопрос о применении сроков давности к лицам, совершившим запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости среди ученых сложились различные точки зрения. М.Ш. Бафетова в своем исследовании отмечает, что одним из оснований для применения принудительного лечения является общественная опасность лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, а также наличие психического расстройства. Автор говорит о том, что данные основания могут как отпасть (даже в случае, если лицо намеренно скрывалось от органов предварительного расследования и сроки давности должны быть приостановлены), так и сохраниться (даже при истечении сроков давности). В первой ситуации при наличии условий для приостановления течения сроков давности основания для применения принудительных мер медицинского характера отпадают, а во втором, несмотря на истечение таких сроков, необходимость применения данных мер сохраняется[4].

Е.З. Трошкин, А.С. Захаров придерживаются противоположного мнения, отмечая, что в случае, когда сроки давности привлечения к уголовной ответственности истекли, а лицо по характеру содеянного представляет общественную опасность, его принудительная госпитализация должна осуществляться в порядке, предусмотренном Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»[5].

Прекратить уголовное дело в отношении лица, признанного невменяемым, по истечении сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), на наш взгляд, не представляется возможным, поскольку такое лицо не подлежит уголовному преследованию. Такой вывод следует из анализа п. 55 ст. 5 УПК РФ, где указывается, что уголовное преследование — это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, а также анализа положений гл. 51 УПК РФ, где говорится о лице, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, а не подозреваемом или обвиняемом в совершении преступления.

Нецелесообразно, тем не менее, продолжать и уголовное судопроизводство, если истекли сроки давности совершенного деяния, запрещенного уголовным законом. Такой вывод мы основываем на том, что давность должна погашать не уголовное преследование, которого, кстати, может и не быть, если совершение деяния, запрещенного уголовным законом, не выявлено, а погашать совершенное деяние, запрещенное уголовным законом, независимо от того, кто его совершил. Поэтому применение в данных случаях п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ свидетельствует не об уголовно-правовой давности, вследствие чего лицо освобождается от уголовной ответственности, а об уголовно-процессуальной давности совершенного деяния, запрещенного уголовным законом.

Вместе с тем, в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ указывается, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Для того, чтобы решить эту и другие проблемы применения иных уголовно-процессуальных норм, реализующих институт давности, анализ которых остается за рамками данной статьи, целесообразно, на наш взгляд, изменить редакцию указанной нормы с «истечение сроков давности уголовного преследования» на «истечение сроков давности».

Говоря о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон также необходимо отталкиваться от различного правового положения вышерассмотренных категорий лиц. Так, если в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, данное основание не применимо, то в отношении лица, заболевшего психическим расстройством после совершения преступления, прекращение дела в связи с примирением возможно, но после его выздоровления. По сути, нормы уголовно-процессуального закона в данном случае построены наиболее удачным образом, так как в соответствии со ст. 25 УПК РФ примириться с потерпевшим может только подозреваемый или обвиняемый, статус которых может быть приобретен лицом, заболевшим после совершения преступления психическим расстройством, а затем выздоровевшим в результате применения принудительных мер медицинского характера (ст. 446 УПК РФ). Сказанное в той же степени относится и к деятельному раскаянию, предусмотренному ст. 28, 28.1 УПК РФ.

Довольно спорно применение оснований прекращения уголовного преследования, предусмотренных ст. 27 УПК РФ по делам о применении принудительных мер медицинского характера. По данной категории дел уголовное преследование не осуществляется, а значит, и прекратить его невозможно. Поэтому в данном случае следует говорить о прекращении производства по применению принудительных мер медицинского характера. Отдельные пункты ст. 27 УПК РФ в случае их переформулирования могут быть отнесены и к рассматриваемому производству.

Так, п.1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ следует дополнить следующей фразой: «… а также лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера к совершению общественно опасного деяния». П. 2 ст. 27 УПК РФ: « … а равно наличие вступившего в законную силу постановления суда о применении к лицу принудительных мер медицинского характера либо о прекращении дела в отношении данного лица по поводу совершения им того же общественно опасного деяния». П. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ изложить в следующей редакции: «наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого, а равно лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора по тому же обвинению, а равно в отношении совершения одного и того общественно опасного деяния, либо об отказе в возбуждении уголовного дела».

Рассматривая вопрос о применении актов амнистии в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, отметим, что в юридической литературе взгляды процессуалистов на проблему применения актов амнистии по делам о применении принудительных мер медицинского характера раскололись на два лагеря. Аргументация авторов, придерживающихся мнения о невозможности применении акта амнистии по делам о применении принудительных мер медицинского характера сводится к тому, что этим актом не может быть устранена общественная опасность лиц, страдающих психическими расстройствами, а поэтому и применение его должно быть исключено. Сторонниками такой позиции являются Т.А. Михайлова, С.Я. Улицкий[6].

И.Л. Марогулова, С.П. Щерба, М.А. Фролова полагают невозможным применение акта амнистии

к лицам, совершившим запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, так как данная категория лиц не является субъектом преступления, не может быть привлечена к уголовной ответственности, а значит и освобождена от нее[7].

Противоположной точки зрения придерживается Б.А. Протченко, который в своей работе отмечал: «с точки зрения гуманизма недопустимо, чтобы амнистия облегчала положение лишь тех лиц, которые совершили преступление будучи здоровыми в психическом отношении, и не распространялась на лиц, совершивших общественно опасное деяние в болезненном состоянии, не давшем им возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими»[8]. На наш взгляд, если следовать логике этого автора, то и применение принудительных мер медицинского характера можно назвать негуманистичным; в таком случае при совершении общественно опасного деяния лицо, не осознававшее фактический характер и общественную опасность своих действий, должно полностью освобождаться от каких-либо уголовных процедур в их отношении. Однако, как уже указывалось ранее, применение принудительных мер медицинского характера не направлено на наказание лиц, страдающих психическими расстройствами и не преследует соответствующих целей, а служит лишь средством оказания помощи им же самим. Отталкиваясь от вышеуказанного мнения, можно также назвать негуманистичным по отношению к соучастникам лица, страдающего психическим расстройством, прекращение принудительных мер медицинского характера, за рамками низшего предела санкции статьи УК РФ, предусматривающей ответственность за совершенное ими деяние.

Поддерживая позицию Б.А. Протченко и возражая мнению Т.А. Михайловой, Е.З. Трошкин, А.С. Захаров говорят о безосновательности мнения о возможности совершения нового общественно опасного деяния душевнобольными, в отношении которых применена амнистия, и которые не изолированы от общества. Последние полагают, что и освобожденные от ответственности преступники могут повторно совершить противоправные деяния. Кроме того, авторы подчеркивают, что амнистия распространяется на деяния, не представляющие большой общественной опасности, в связи, с чем под сомнение может быть поставлена сама необходимость применения принудительных мер медицинского характера[9].

О необходимости применения актов амнистии по делам о применении принудительных мер медицинского характера на любом этапе расследования в независимости от наличия и характера заболевания лица писали также П.А. Колмаков, А.Н. Осяк[10].

П.А. Колмаков указывает, что если лицо, на которое распространяется амнистия, представляет опасность для окружающих по характеру своего заболевания, то оно подвергается лечению, однако уже не в принудительном порядке, а в общем — в соответствии со ст. 29 Закона о психиатрической помощи Российской Федерации[11].

Однако, авторы не учитывают, что применение акта амнистии предполагает осознание лицом, в отношении которого она применяется (в связи с чем связано требование об обязательности согласия лица на ее применение), преступности совершенного деяния, неотвратимости наказания и снисхождения государства; т.е. лицом такой акт должен пониматься как акт милосердия со стороны государства. Лица, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, не способны, на наш взгляд, осознавать как преступность своих действий, так и назначение акта амнистии.

Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера в силу своего психического расстройства часто бывает лишено возможности осознавать фактический характер своих действий, вследствие чего не может принять разумное решение. В таком случае получается, что принятие решения ложится на плечи защитника и законного представителя, которые на момент осуществления предварительного следствия не могут обладать полным объемом информации о собранных по делу доказательствах, свидетельствующих о совершении деяния, запрещенного уголовным законом, их подопечным. Давая согласие на применение акта амнистии в отношении лица, страдающего психическим расстройством, защитник и законный представитель подтверждают, что такое деяние совершено именно этим лицом. В целях гарантии прав и свобод рассматриваемой категории лиц, дела о применении к ним принудительных мер медицинского характера не должны, по нашему мнению, прекращаться на стадии предварительного следствия в связи с применением акта амнистии, а должны быть направлены в суд и рассмотрены в соответствии с определенной уголовно-процессуальным законом процедурой в целях

вынесения правосудного и справедливого решения. Прекращение уголовного дела в связи с применением акта амнистии возможно лишь в отношении лиц, совершивших преступление и после этого заболевших психическим расстройством, после их выздоровления при производстве предварительного следствия или в суде при прекращении принудительных мер медицинского характера с согласия этих лиц.

Что касается ст. 28.1 УПК РФ, предполагающей прекращение уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах, то здесь следует отметить, что дело о применении принудительных мер медицинского характера не может быть прекращено в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, даже если им или его родственниками ущерб, причиненный бюджетной системе РФ будет возмещен в полном объеме. Данная статья предполагает осознание лицом совершенного деяния и признание своей вины, которой просто не может быть при совершении деяний данной категорией лиц. Поэтому даже при выполнении условий, предусмотренных рассматриваемой статьей, в случае нарушения законодательства о налогах и сборах лицом, которое не могло осознавать фактический характер своих действий либо руководить ими вследствие психического расстройства, ему назначаются принудительные меры медицинского характера, предусмотренные п.п. «б»—«г» ч. 1 ст. 99 УК РФ. К лицам, заболевшим психическим расстройством после совершения преступления, положения рассматриваемой статьи применимы после их выздоровления в период проведения предварительного следствия до направления уголовного дела в суд.

Основываясь на вышеизложенном, предлагаем ч. 1 ст. 433 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Производство о применении принудительных мер медицинского характера, указанных в п.п. «б»—«г» ч. 1 ст. 99 Уголовного кодекса Российской Федерации, осуществляется в отношении:

1) лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости;

2) лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение.»

Подобное изложение данной нормы позволит разделить рассматриваемые категории, что необходимо в связи с различными их статусами и облегчит применение норм материального и процессуального права. Также предлагаем дополнить гл. 51 УПК РФ отдельной статьей, раскрывающей возможность применения оснований прекращения уголовного дела (производства о применении принудительных мер медицинского характера), изложенных в ст.ст. 24, 27 УПК РФ к каждой из этих категорий.

Возникает вопрос — следует или нет применять принудительные меры медицинского характера к лицам, в отношении которых уголовное дело прекращено по основаниям, рассмотренным ранее?

Следует отметить, что принудительные меры медицинского характера не являются наказанием, а несут в себе охранительный и предупредительный характер. Фактически, данные меры направлены на улучшение психического здоровья лица или его выздоровление. В соответствии с ч. 2 ст. 97 УК РФ принудительные меры медицинского характера назначаются лицам, совершившим деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, в состоянии невменяемости, а также лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц.

Если указанные лица не представляют опасности по своему психическому состоянию, суд может передать необходимые материалы органам здравоохранения для решения вопроса о лечении этих лиц или направлении их в психоневрологические учреждения социального обеспечения в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о здравоохранении (ч. 4 ст. 97 УК РФ).

В связи с этим, для назначения принудительных мер медицинского характера необходимо наличие двух взаимосвязанных оснований: совершение лицом деяния, запрещенного УК РФ, и наличие опасности, которую он в силу своего психического расстройства представляет для себя и окружающих. Отсутствие одного из этих обстоятельств влечет за собой не применение принудительных мер медицинского характера.

С учетом вышесказанного представляется, что в случаях, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 439, а также ч. 2 и 3 ст. 443 УПК РФ, если лицо, в отношении которого прекращается уголовное дело по основаниям, указанным в данных нормах, имеет психическое

расстройство, связанное с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда, следователь должен вынести постановление о направлении соответствующих материалов в суд для применения принудительной меры медицинского характера, соответственно, суд вынести постановление о применении к такому лицу соответствующей принудительной меры медицинского характера. Прекращение, изменение и продление применения принудительной меры медицинского характера осуществляется в соответствии со ст. 445 УПК РФ.

Если лицом, представляющим опасность по своему психическому состоянию, совершено деяние, запрещенное уголовным законом, отнесенное УК РФ к категории небольшой тяжести, то вопрос об отказе в применении к такому лицу принудительной меры медицинского характера может быть, на наш взгляд, судом решен только тогда, когда такие изменения будут внесены в гл. 15 УК РФ («Принудительные меры медицинского характера»). В настоящее время положения п. 1 ч. 1 ст. 439, ч. 2 и 3 ст. 443 УПК РФ, касающиеся иного порядка рассмотрения данных вопросов, считаем неправомерными.

По делам рассматриваемой категории уголовно-процессуальным законом (п. 1 ч. 1 ст. 439 УПК РФ) предусмотрено еще одно основание для прекращения уголовного дела следователем: «когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения иного существенного вреда».

В юридической литературе можно встретить различные точки зрения относительно данного основания прекращения. Так, П.С. Элькинд в своей работе пишет о некоторых случаях в следственной практике, когда нецелесообразность применения принудительных мер медицинского характера видна уже на стадии предварительного расследования; в подобных случаях направление уголовного дела в суд ничем не оправдано. Автор отмечает, что иначе следователь должен действовать при возникновении необходимости применения таких мер в результате судебного разбирательства[12]. На стороне высказанной позиции выступают Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткулин, В.М. Спиридонов, Н.А. Якубович[13].

Противоположного мнения о невозможности прекращения уголовного дела на стадии предварительного следствия в связи с отсутствием опасности для лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера или других лиц либо возможностью причинения иного существенного вреда, и принадлежности такого права только суду, придерживаются И.П. Портнов, Э.С. Зеликсон, Н.П. Митрохин, С.В. Гусева[14]. Так, С.В. Гусева в своем исследовании отмечает, что окончательное принятие решение по делам о применении принудительных мер медицинского характера должно принадлежать только суду, который должен решить вопросы об общественной опасности лица, необходимости применения принудительных мер медицинского характера, а также проверить полноту, всесторонность и объективность проведенного следствия, доказанности совершения общественно опасного деяния именно этим лицом, установление психического расстройства, процедуру проведения судебно-психиатрической экспертизы и правильность ее оценки, соблюдение прав и законных интересов лица, в отношении которого осуществлялось производство о применении принудительных мер медицинского характера[15].

Несмотря на закрепление вышеуказанного основания о прекращении уголовного дела в ч. 1 ст. 439 УПК РФ («Окончание предварительного следствия»), мы склонны придерживаться последней позиции. Во-первых, исходя из доводов уже перечисленных, а, во-вторых, опираясь на нормы уголовно-процессуального закона. Так, в соответствии с п. 3 ст. 442 установление невменяемости входит в вопросы, разрешаемые судом при рассмотрении дела, в то время, как на следователя возлагается лишь доказывание обстоятельств, предусмотренных ст. 434 УПК РФ. На наш взгляд, для прекращения дела по данному основанию необходимо установление невменяемости лица на момент совершения им общественно опасного деяния, т.е. необходимо установить, что лицо не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики. Видим целесообразным прекращение дела по данному основанию исключительной прерогативой суда и только в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. В случае, если лицо заболело психическим расстройством после совершения преступления, данное основание, по нашему

мнению, не применимо, к такому лицу должны быть применены соответствующие принудительные меры медицинского характера с целью его возможного излечения и дальнейшего привлечения к уголовной ответственности в общем порядке.

Обращаясь к гл. 29 УПК РФ, регламентирующей процедуру прекращения уголовных дел, отметим, что в соответствии с ч. 1 ст. 212 УПК РФ уголовное дело и уголовное преследование прекращаются при наличии оснований, предусмотренных ст.ст. 24—28.1 Кодекса. Однако, данная норма обошла своим вниманием вышерассмотренное положение ст. 439 УПК РФ, предусматривающее возможность прекращения уголовного дела в случаях, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц, либо возможностью причинения им иного существенного вреда. Несмотря на то, что такое основание предусмотрено лишь при производстве о применении принудительных мер медицинского характера, необходимо, как нам представляется, дополнить вышеуказанную норму соответствующим основанием.

Напомним, что в случае прекращения дела по основаниям, предоставляющим лицу, в отношении которого велось производство о применении принудительных мер медицинского характера, право на реабилитацию, следует предпринять необходимые меры по реабилитации лица и возмещению ему ущерба, причиненного в результате уголовного судопроизводства. Принудительные меры медицинского характера к такому лицу, даже если его психическое состояние представляет опасность для него и других лиц, судом не применяются, поскольку такое лицо соответствующим процессуальным документом признается не совершавшим деяния, запрещенного уголовным законом деяния. Однако, полагаем целесообразным категорию лиц, указанных в п. 3 ч. 2 ст. 133 («Основания возникновения права на реабилитацию»), дополнить лицом, в отношении которого велось производство о применении принудительных мер медицинского характера.

В заключение также добавим, что право на реабилитацию имеет также лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера, в случае отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении данной меры (п. 5 ч. 2 ст. 133 УПК РФ).

---

[1] *Ракунов Р.Д.* Дифференциация уголовно-процессуальной формы о малозначительных преступлениях // Советское государство и право. 1975. № 12. С. 60—68; *Арсеньев В.Д., Метлин Н.Ф., Смирнов А.В.* О дальнейшей дифференциации порядка производства. Взаимосвязь процессуальной формы с материальным правом. Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979. С. 45—52; *Якуб М.Д.* Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М.: Юрид. литература, 1981. С. 71—74.

[2] *Ленский А.В.* Досудебное (предварительное) производство в системе уголовного процесса России. Томск. С. 13; *Трошкин Е.З., Захаров А.С.* Досудебное производство по уголовным делам об общественно опасных деяниях невменяемых лиц: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 99—100.

[3] *Якимович Ю.К.* Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск: Издательство ТГУ, 1991. С. 32—33; *Николюк В.В.* Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. Омск, 1990. С. 5—6; *Кальницкий В.В., Николюк В.В.* Особые производства в советском уголовном процессе. Совершенствование правовых основ уголовного судопроизводства. Ярославль, 1988. С. 111—118.

[4] *Буфетова М.Ш.* Производство о применении принудительных мер медицинского характера: Дисс. … канд. юрид. наук. Иркутск. 2004. С. 158—159.

[5] Досудебное производство по уголовным делам об общественно опасных деяниях невменяемых лиц: монография / Е.З. Трошкин, А.С. Захаров. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 80—81.

[6] *Михайлова Т.А.* Расследование и судебное рассмотрение дел о невменяемых // Советское государство и право. 1986. № 2. С. 81; *Улицкий С.Я.* Проблемы применения принудительных мер медицинского характера. Владивосток, 1973. С. 4.

[7] *Марогулова И.Л.* Амнистия и помилование в российской законоательстве. М., 1998. С. 68; *Щерба С.П., Фролова М.А.* Передача лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в странах СНГ.- М.: Юрлитинформ, 2012. С. 88—89.

[8] *Протченко Б.А.* Принудительные меры медицинского характера. М., 1976. С. 29

[9] Досудебное производство по уголовным делам об общественно опасных деяниях невменяемых лиц: монография/ Е.З. Трошкин, А.С. Захаров. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. С. 84.

[10] *Колмаков П.А.* Правовое регулирование принудительных мер медицинского характера. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1999. С. 84; *Осяк А.Н.* Институт амнистии в российском уголовном праве: дисс. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 104.

[11] *Колмаков П.А.* Сущность, цели и виды принудительных мер медицинского характера: учеб. пособие. Сывтыкар, 1999. С. 84.

[12] *Элькинд П.С.* Расследование и судебное рассмотрение дел о невменяемых. М.: 1959. С. 54—57.

[13] *Жогин Н.В., Фаткулин Ф.Н.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М. 1965. С. 300; *Спиридонов Б.М.* Процессуальный порядок применения принудительных мер медицинского характера. В кн: Советский уголовный процесс. Под ред. Д.С. Карева. М, 1968. С. 502; *Якубович Н.А.* Окончание предварительного следствия. М. 1962. С. 129.

[14] *Портнов И.П.* Процессуальный порядок применения принудительных мер медицинского характера в советском уголовном процессе: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М. 1956. С. 15—16; *Зеликсон Э.С.* Процессуальный порядок применения принудительных мер медицинского характера. Алма-Ата, 1957. С. 13; *Митрохин Н.П.* Окончание предварительного следствия в советском уголовном процессе: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Киев, 1964. С. 16.

[15] *Гусева С.В.* Особенности производства предварительного расследования в отношении невменяемых, и лиц, заболевших психическим расстройством после совершения преступления: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 182—183.